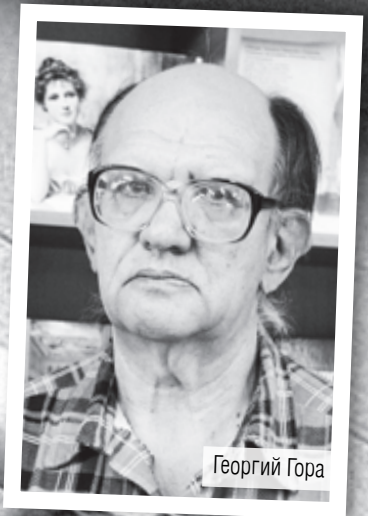

Рассказ

✍ Георгий Гора

Премия

Мой отец, Леонид Степанович Пищугин, тридцать лет своей непутевой жизни отдал литературному творчеству, но, как выяснилось со временем, напечатались ни одна его строчка не была напечатана.

Отец принадлежал к числу неудачников, которые писали стихи и прозу без малейшей надежды увидеть свои творения опубликованными. В те времена между писателем и читателем стояли многочисленные отряды, состоящие из политрабтников, цензоров и редакторов издательств, которые зорко следили за тем, чтобы покой литературных генералов, полковников и лейтенантов ничем не нарушался. Поэтому шансов напечататься не было.

Умер отец совсем по-русски. Получив из Москвы очередной отказ, он выпил две бутылки дешёвого вина, и с ним случился инсульт. Мать вернулась с работы и нашла его в прихожей уже мертвым. Похоронили его на небольшом русском кладбище далекого от России таджикского городка Яван, где мы тогда жили. Было отцу шестьдесят девять лет.

Отец писал романы, повести, рассказы. Был он инженером-строителем, и ему не нужно было умение печатать на пишущей машинке. Для этого в конторах имелись барышни-секретарши. В любой момент отец мог отдать печатать нужную бумажку. Когда же ему захотелось литературной славы, он за месяц выучился стучать на машинке, правда, двумя пальцами, но довольно бойко.

Свои романы отец печатал на маленькой изящной машинке «Оптима». Она была немкой по происхождению и всегда вызывала у меня чувство острой зависти. Хотелось тихонько подкрасться к машинке, когда отец не видит, и потыкать пальцем в какую-нибудь клавишу: что из этого выйдет? Но мне ни разу не удалось осуществить свои коварные замыслы. Во-первых, отец много работал, а во-вторых, во время отдыха он прятал «Оптиму»

в изящный футлярчик. Так что я всегда оставался с носом. Когда же отец умер, «Оптима» досталась мне по наследству, и я печатал на ней свои первые рассказы. Компьютеров тогда ещё не было.

Романы отец копировал в трёх экземплярах и отправлял в Москву по разным адресам: так было надёжнее. Ему хотелось славы большой, всесоюзной. Такой славы можно было добиться только через Москву. Поэтому он без усталости в протяжении тридцати лет сбрасывал на Москву свои толстые романы, как самолёт сбрасывает бомбы на вражескую территорию.

Москва от него отмахивалась, и всегда успешно. Отец считал свои романы гениальными и каждый отказ воспринимал крайне болезненно. Реакция на отказ была всегда одинакова: полужив из Москвы пакет с рукописью и разгромной рецензией, он покупал несколько бутылок «бормотухи» и напивался вдреизг.

После этого находиться с ним в одной квартире было невозможно. Для начала он включал телевизор и радиоприёмник одновременно. Потом садился куда-нибудь, всё равно куда – на стул, на диван и даже на пол, снимал очки и начинал плакать. Он оплакивал свою неудачливую писательскую долю, слёзы текли из беззащитных растерянных глаз, и его можно было бы пожалеть, но я знал, чем всё это кончится.

Постепенно отец возбуждался всё больше и больше, слезы высыхали, он начинал подпевать телевизору, сначала совсем тихо, затем громче. Через некоторое время он уже орал во весь голос, да так, что стекла дрожали в оконных рамах. Голос у него был грубый, слух отсутствовал напрочь, поэтому это было похоже на крик одинокого павиана в джунглях. В такие минуты мы с матерью уходили к соседям и там ночевали: знали, что до утра отец не успокоится.

Утром он смотрел виновато, но прощения не просил: понимал – себя ему уже не исправить.

Я читал все рецензии, которые присылали ему из Москвы. Консультанты из толстых журналов обвиняли его во всех смертных грехах. Но главным грехом был канцеляризм.

И действительно, отец слишком часто употреблял канцелярские выражения. Это шло от его инже-

нерной деятельности. Он привык составлять официальные документы. Эта привычка прочно вошла в его литературное творчество. Например, в самом что ни на есть художественном произведении он мог написать фразу: «Они поднялись до уровня задач современного момента» или «Руководители охватили всех сотрудников неотложными мероприятиями». Такое, конечно, нельзя было допускать. Тут я был полностью согласен с консультантами из Москвы.

Но отец ничего не признавал. Он считал, что его специально «душат», чтобы не печатать. «Мои романы гениальны, я как писал, так и буду писать!» – плевал он в сторону Москвы.

И отчасти был прав. Его не печатали по другой причине: в своих романах отец поднимал проблемы, которые советская литература скромно старалась не замечать. Например, написал роман о том, как посреди голой степи советские геологи отыскивали месторождение нефти. Роман назывался «Степные ветры». В степь согнали тысячи рабочих. Они жили в палатках, пили тухлую воду, не мылись, не стирались, страдали летом от жары, а зимой от холода. Болели, умирали, но зато давали героические темпы добычи нефти. И всё было бы в духе социалистического реализма, если бы не главный герой романа, молодой инженер-строитель. Он по наивности начал задавать начальству нелицеприятные вопросы: дескать, почему рабочие должны жить в палатках без воды и канализации, страдать от жары и холода, почему бы сначала не построить для них современный город с благоустроенными домами, и только потом сгонять в степь? Начальство вовремя догадалось, что парень не понимает, в какой стране живёт, что такое «социализм любым путем», и отправило его домой к маме. На этом роман заканчивался.

Его, конечно, не напечатали. Отцу ответили, что это его не касается: наверху сами знают, когда ставить палатки, а когда города строить. Отец плюнул на всё и на неделю ушёл в запой. Через неделю очнулся и решил больше никогда не писать проблемных романов.

И тут ему единственный раз в жизни крупно повезло. Дело в том, что отец очень любил читать

детективные повести. В домашней библиотеке было много как иностранных, так и наших авторов-детективщиков. Разочаровавшись в производственных романах, отец с горя решил написать детективную повесть. И написал.

Всех подробностей уже не помню, но вкратце сюжет повести выглядел следующим образом. Главный герой смастерил себе маску в духе современных ужастиков. Растянутый до ушей рот, красные глаза, оскаленные зубы – в таком виде герой ходил на преступления. Он забирался в окна первых этажей, уже в квартире натягивал маску и будил хозяев. Увидев среди ночи такой ужас, несчастные жертвы надолго теряли сознание, а сообразительный малый в это время очищал квартиру от излишек денег и драгоценностей. Ретировался он также через окно. А на улице благоразумно маску снимал. После долгой погони доблестная милиция схватила негодяя и отправила в тюрьму.

Называлась повесть: «Маска Квазимодо». Весь этот бред занимал примерно сто страниц на машинке.

Впервые отец не отправил повесть в Москву, у него хватило ума понять, что её там, конечно же, не напечатают. Он решил отвезти повесть в столицу Таджикистана. В те времена – в начале 80-х – в Душанбе издавался единственный в республике русскоязычный журнал «Памир». Руководил журналом Михаил Левин, главный детективщик республики. Одну повесть даже экранизировали на студии «Таджикфильм», другую собирались издавать в Москве. Прежде Левин работал в министерстве внутренних дел Таджикистана и поэтому, в отличие от отца, знал преступный мир республики не понаслышке. Вот ему-то и повесть отца своего «Квазимодо».

Они встретились в редакции «Памира», поговорили, отец оставил Левину повесть и чрезвычайно довольный вернулся домой. В душе затеплилась надежда, что его наконец-то напечатают.

А через месяц в дверь постучались. Это был почтальон. Он вручил отцу конверт и немедленно удалился. На конверте отец увидел жирный штамп: «Министерство внутренних дел Таджикистана». В растерянности отец вернулся в комнату. При виде конверта мать

перепугалась: она помнила Сталина и до смерти боялась милиций и прокуратур.

– Тебя арестуют! – закричала она в ужасе.

– Не говори глупостей! – огрызнулся отец. Но видно было, что и он порядочно струхнул.

Дрожащими пальцами отец разорвал конверт и достал белый лист бумаги.

«Прочитав письмо, он осветился радостью», – эта фраза из одного отцовского романа очень хорошо подходила к ситуации. Короче говоря, отец обрадовался.

– Вот оно! Наконец-то! Меня признали! – радостно закричал он. – Я говорил, что я гений. Меня всё-таки признали!

Воздев руки к потолку, он прямо посередине комнаты исполнил медленный танец медведя на арене цирка. При этом люстра под потолком слегка позванивала, а половицы под ногами немного поскрипывали. Мы с матерью поняли, что в письме было что-то очень хорошее. Наконец, немного успокоившись, отец отдал мне бумажку. Там черным по белому было написано: «Выписка из приказа по Министерству внутренних дел Таджикистана. За создание достойного произведения, освещающего не легкий и опасный труд работников внутренних дел республики, наградить писателя Пищугина Леонида Степановича премией в размере 300 рублей. Министр внутренних дел Таджикистана генерал-майор Махмудов».

В этот день в нашей семье был праздник. Отец расслабленно лежал на диване и принимал от нас с матерью поздравления.

Триста рублей в те времена были приличной суммой. На них можно было жить несколько месяцев. Деньги перевели по почте. Отец получил их, однако повесть в «Памире» так и не напечатали. Видимо, Левину не нужны были конкуренты.

Потом, когда отец окончательно спился, он брал с собой эту бумажку и показывал её собутыльникам в городских забегаловках. «О! – восхищались алкоголики. – Писатель!» И наливали ему лишнюю стопочку.

После гражданской войны в Таджикистане мы с матерью уехали в Россию. Отец один из нашей семьи остался лежать в земле на чужбине. Вечная ему память.